

Николай Александрович Бестужев

Записки о Голландии 1815 года

Николай Бестужев

Записки о Голландии 1815 года

«Public Domain»

1821

Бестужев Н. А.

Записки о Голландии 1815 года / Н. А. Бестужев — «Public Domain», 1821

«Мы в Голландии. – Мир встретил нас, – и надежды, за коими гнались мы сюда, исчезли, как ночные призраки с восхождением солнца. Еще в Копенгагене узнали мы, что Наполеон разбит при Ватерлоо и что войска наши под стенами Парижа. Пылкие чувствования юности, заставлявшей желать продолжения войны, встревоженные скорым и неожиданным переворотом, с коим опрокинулись наши замыслы, не могли быть утешены благоразумием, твердившим, что мир лучше войны; и мы, с грустию в сердце, в борьбе с бурями, в сопровождении четырехнедельной скуки пришли на своих фрегатах к туманным берегам Голландии...»

Содержание

Письмо 1. Гельвет-Слюйс	6
Письмо 2. Роттердам	8
Письмо 3. Роттердам	11
Письмо 4. Роттердам	12
Письмо 5. Роттердам	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Александрович Бестужев

Записки о Голландии 1815 года

1

¹ Впервые напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», ч. XV, 1821, № 7, Проза, с. 33–64; № 8, с. 179–222; № 9, с. 257–298. В том же году вышло отдельное издание (СПб., 1821), по которому печатается текст в настоящей книге. Экспедиция русского флота, в которой принял участие Н. А. Бестужев, была снаряжена в мае 1815 года, во время так называемых «Ста дней» Наполеона. В военных действиях экспедиции участвовать не пришлось; когда корабли пришли в Копенгаген, стало известно, что Наполеон разбит при Ватерлоо английскими и прусскими войсками, что военные действия прекращены и в Париже вторично подписан мир между Францией и союзными войсками. Давая исторический очерк Голландии, Бестужев особенно останавливается на политической обстановке в стране после Аустерлица и Тильзита: в мае 1806 года Наполеон превратил Батавскую республику в Голландское королевство, посадил там на престол своего брата Луи и сделал независимую страну придатком Франции. В июле 1810 года Наполеон лишил Нидерланды последних остатков суверенитета и включил ее в состав Французской империи. В России понимали, что такое же положение он готовил и России в своих планах.

Письмо 1. Гельвет-Слюйс

Мы в Голландии. – Мир встретил нас, – и надежды, за коими гнались мы сюда, исчезли, как ночные призраки с восхождением солнца. Еще в Копенгагене узнали мы, что Наполеон разбит при *Ватерлоо* и что войска наши под стенами Парижа. Пылкие чувствования юности, заставлявшей желать продолжения войны, встревоженные скорым и неожиданным переворотом, с коим опрокинулись наши замыслы, не могли быть утешены благоразумием, твердившим, что мир лучше войны; и мы, с грустью в сердце, в борьбе с бурями, в сопровождении четырехнедельной скуки пришли на своих фрегатах к туманным берегам Голландии.

Я не стану описывать своего путешествия от Копенгагена; да и что о нем сказать можно, не видев ничего в продолжение месяца, кроме неба и воды? – Если скажу, что на Доггер-банке во время двухдневных маловетрий мы ловили вкусную рыбу, что против Текселя ошибкою лоцмана едва не попали на мель, тут будет все, что случилось с нами, и что случается на море почти со всеми плователями.

Мы вошли в реку Маас утром и, при помощи лоцманов, часов через шесть были уже в Гельвет-Слюйсе, маленьком городке, стоящем на одном из островов, образуемых Маасом. Здесь ожидание мое было обмануто вторично: вместо тонких болот, вместо городов, висящих на сваях над морем, как я заключал из неясных описаний Голландии, – увидел море, висящее над землею, увидел корабли, плавающие выше домов, и вместо болот возделанные поля, тучные пажити, чистые и красивые городки, прекрасных мужчин, прекрасных женщин.

Нас встретил доверенный от правительства, флотский лейтенант Ван-Эсс, умный, образованный молодой человек, каких я вообще видал во флотах шведских, датских и французских. Все попечения употреблены были к спокойствию и удовольствию нашему. Свежая пища для людей, долгое время на море бывших, госпиталь на берегу для больных и усердие самого Ван-Эсса обеспечили команды наших фрегатов.

Русский флаг еще впервые развевался на водах Мааса: берег усеян был любопытными. Я съехал с фрегата с Ван-Эссом уже под вечер и радовался видом сего городка, расположенного по сторонам канала, ведущего в док адмиралтейства. Чрезвычайная чистота, дома маленькие, но красивые, с блестящими стеклами, мостовая, на которой не видно ни соринки, довольственный вид жителей, которые высыпали смотреть на небывалых гостей, удобство объясняться в сей стороне (ибо все почти говорят по-французски) – все это, после четырехнедельного заточения, веселило меня чрезвычайно.

Мы пили чай в трактире на крыльце; мне не хотелось сойти с одного и лишиться удовольствия смотреть на сей прекрасный городок. Однако любезный Ван-Эсс припомнил, что завтра рано наш экипаж выступит сухим путем в Роттердам, куда фрегаты, за малою глубиною реки, идти не могут, и что вечера остается уже немного, дабы осмотреть достойное примечания адмиралтейство.

В довольно пространной гавани стоит гребной флот – от 60 до 70 канонирских лодок и несколько яхт. Док, оконченный в 1804 году, назначен для починки фрегатов и мелких судов; вода из одного выбрасывается огненной машиною, строение которой, равно как и ворот дока, совершенно особенное.

В магазинах есть все нужное к вооружению кораблей, строящихся в Роттердаме и проводимых оттуда на камелях². – Река доставляет спокойный рейд, где дают им половину груза и вооружения и отправляют за остальным в Амстердам: устье Мааса не позволяет кораблям проходить в полном грузе.

² Камели – плавучая постройка, которая служит для провода кораблей через недостаточно глубокий фарватер.

В канале, ведущем в гавань и док, стоит несколько пакетботов, отправляющихся по очереди, каждую среду и воскресенье, в Англию, куда, при попутном ветре, можно прийти часов за 15 с небольшим. Канал и река покрыты рыбачьими лодками, выезжающими ежедневно в море за промыслом, составляющим торговлю сего маленького городка, обитаемого 1200 жителей.

Рыболовные учреждения строго наблюдаются в Голландии; особенно сельдяной промысел имеет свои законы. Начало ловли, во время хода сельдей, определено с точностью, и со всего берега Голландии в одно время по условным знакам, после многих торжественных обрядов, промышленники выезжают в море. Изловленное количество сельдей необходимо должно быть посолено в тот же день; остальные же, сколь бы много оных ни было, выбрасываются опять в воду. Сия нежная рыба требует необходимой точности: пробыв два или три часа на воздухе, она ржавеет и в сем положении посоленная никогда не бывает хороша. Оттого англичане, шведы и норвежцы, которые в то же самое время оную ловят, соля без остатку и не разбирая свежей с сонною, никогда не имеют таких сельдей, как голландцы. Притом же последнее, как сказывал мне один словоохотный промышленник за тайну, имеют обычай вырывать жабры у сельдей, что, хотя замедляет работу, но делает их гораздо вкуснее.

Адмиралтейство и сельди составляют все достопамятности сего городка. Но более всего я запомню в нем Ван-Эсса. Ласковый привет страннику в земле чуждой примиряет его с разлукою.

Письмо 2. Роттердам

Вы знаете, как нечаянно я вырвался из круга вашего, друзья мои, и пошел в Голландию. Фрегаты готовились давно конвоировать транспорты с провиантом для армии, но наш экипаж вдруг был назначен, сверх комплекта фрегатской команды, для препровождения сих провиантов по Рейну в главную квартиру союзников и там быть употребленным, как употреблялись прежде морские экипажи при армиях.

По прибытию в Голландию огромный конвой наш, состоявший из 70 купеческих судов, отправился прямо рекою в Роттердам, а мы, надев ранцы и оставив домашние удобства корабельной жизни, были высажены с экипажем на берег – и выступили в поход к Роттердаму, куда, но прекрасной дороге, чрез многие селения и город Брилл, пришли в тот же день часов в 12 ночью, устав, сколько можно устать, от 18-часовой ходьбы.

Там развели нас по квартирам, а я, попавшись по билету к хозяину, у которого в минуту нашего вступления в город разрешилась жена, и не желая его беспокоить, должен был усталый тащиться на край города в трактир, где, не дождавшись ужина, которым подчивал трактирщик, и не раздеваясь, бросился в постель.

Потру я пошел на сборную площадь – и там, к неудовольствию общему, узнал, что мы не пойдем теперь в армию: война кончена взятием Парижа, и провианты остаются здесь. Однако ж, нам сказано ждать дальнейшего повеления.

Итак, мы живем здесь праздно. Не разделяя опасностей с войсками, не будем разделять и славы. Время течет; повеление не приходит; отлагаемая надежда охладевает – и мы печально бродим посреди голландцев, радующихся успехам союзного оружия и собственной свободе.

Одни только чудеса земли сей развлекают нас; мы рассматриваем оные – удивляемся силе духа и терпения человеческого.

Но отчего море выше всей Голландии; откуда сей вал, удерживающий оное от низвержения? – Как возвысилось море, и как упала земля столь низко со всеми городами и обитателями?

Сего чудесного явления нельзя иначе объяснить, как сказав нечто из истории голландской, тесно связанной с созданием царства, сотворенного не природою, но руками человеческими.

Ватты, народ германского поколения, еще за 100 лет до Р. Х., наскучив властью Гессов или Гессенов, отложились от них и основали Батавию на острове, образуемом реками Ваалом и Рейном. Здесь начальники уделов, выбираемые общими голосами, более властвовали советами, нежели силою над сим воинственным народом, готовым всегда к собственной защите. Каждое семейство образовало часть войска и подчинялось своему старейшине.

Цезарь, перешед Альпы, победил гельветов, многих народов галльских, бельгов, германцев: все покорялось чудесному оружию победителя – и многие народы, боясь рабства, искали покровительства Цезарева. Ватты также предложили свой союз, с тем однако же условием, чтоб остаться при всех своих правах и чтоб единственная их подать состояла во вспомоществовании римлянам военными силами. Вскоре Цезарь отличил баттов от прочих данников римских, и когда, отверженный Римом, но сопутствуемый славою, воевал он против гипшанцев, итальянцев, простирал свои завоевания в Азии, то батты, оружию коих он обязан был большею частию своих побед, получили славное имя *друзей и братьев народа римского*.

Вместе с падением империи, вместе с ослаблением ее нравственных и физических сил, варвары, подвигнутые к северу страхом оружия римлян, восприняли бодрость свою, наводнили снова юг и захватили многие провинции римские. Франки похитили Галлию, и Батавия досталась в удел обширному государству, основанному сими завоевателями в пятом веке.

Новая монархия претерпела многие перемены: беспрестанные войны вне государства, частые возмущения внутри, приобретение чужих земель, а чаще вторжение неприятеля в соб-

ственную, слабость многих королей, злоупотребления их любимцев, попрание законов и религии распутными прелатами, безначалие и деспотизм потрясали попеременно государство.

Наконец, при всех усилиях Пепина³ и сына его Карла Великого утвердить престол Франкской монархии, она разделилась между внуками последнего. Один из них вместе с Германией наследовал Батавию, которую после норманны в набегах своих называли Голландию.

Отрасль Карла в Германии пресеклась в середине IX столетия. Германцы свергли чуждое иго и избрали себе начальника или императора из среды правителей, властвовавших пятью областями. Не употребляя во зло власти, данной сими людьми, императоры ограничились феодализмом.

Графы голландские, воспользовавшись сим переворотом и присвоив себе также власть, подобную власти удельных владетелей Германии, посягнули против свободы народа, но твердые голландцы уничтожили их замыслы. Они продолжали управляться графами, дворянами и гражданами и сохранили свою независимость. В сие время, с прекращением мужской линии, судьба вручила участь Голландии, с рукою Жанобины Брабантской, Филиппу Бургундскому⁴, по прозванию Доброму.

Мужское наследие прервалось и в самом доме; Мария, единственная дочь и наследница последнего Бургундского герцога Карла Дерзновенного⁵, в 1477 году принесла Голландию в приданое австрийскому императору Максимилиану.

В сие время, столь славное в истории, Голландия или Нидерланды разделялась на 17 провинций, управляемых каждая своими законами, своими постановлениями, отдельными властителями. Не было единства, нужного к благоденствию республики; народ, привыкший к сему роду правления, не почитал нужным переменять оное, а Максимилиан, Филипп и Карл, первые австрийские государи, убеждаемые предрассудками, торжественно клялись не вводить никакой новизны в наследие бургундского дома.

Однако же, голландцы, управляемые тремя властями, а следственно тревожимые и частыми несогласиями, многократно бывали жертвою междоусобных браней и неприятельского оружия. Необходимость заставила их, наконец, соединить сии власти в одну и учредить верховного правителя под именем штатгадтера.

Но уже приготовлялся в Европе важный переворот. Возрождение наук, распространение торговли, изобретение книгопечатания и компаса приблизили эпоху, в которую разум человеческий долженствовал свергнуть иго предрассудков, положенное на него временами варварства. Уже переставали верить безгрешности пап; открыто жаловались на злоупотребление их власти, на продажу отпущения грехов, а наиболее на притеснения их, преступавшие меры.

Обиженный папами монах⁶ буйным красноречием, достойным тех времен, воздвиг северные народы. Из европейских государей одни приняли сторону реформации, другие Рима. Одни примером своим увлекли подданных за собою, другие всею властью едва могли удержать своих от последования новым мнениям. Строгость мер породила фанатизм, а сей истребил саксонцев, албигойцев и гусситов. Эшафоты воздвигались и костры пылали всюду.

Император Карл V был внук Максимилиана и Марии, отец всемирной монархии и Филиппа II⁷, коему Голландия досталась в наследство. Сей превзошел своих современников в

³ *Пепин* (Папин) *Короткий* (714 или 715–768) – король франков в 751–768 годах, основатель династии Каролингов.

⁴ *Филипп Бургундский* – имеется в виду Филипп III Добрый (1396–1467) – герцог Бургундии с 1419 года.

⁵ *Карл Дерзновенный* (так переводит Бестужев французское *le Téméraire*) или Карл Смелый (1433–1477) – герцог Бургундии. Неоднократно подавлял восстания нидерландских городов, входивших в состав Бургундского государства.

⁶ *Обиженный папами монах*. – Мартин Лютер (1483–1546), видный деятель реформации в Германии, основатель лютеранства. Выступление Литера против продажи индульгенций (1517) положило начало широкому общественному движению, направленному против католицизма.

⁷ *Филипп II* (1527–1598) – из династии Габсбургов, с 1555-го – король Испании и Нидерландов, Царствование Филиппа, широко использовавшего инквизицию, сопровождалось массовыми сожжениями еретиков. При Филиппе началась Нидерландская буржуазная революция XVI века.

тиранстве и гонениях противу реформатов. Обширная его монархия страдала от изуверства; Нидерланды наиболее дымились кровию и пеплом своих граждан.

Филипп поручил управление Голландии Вильгельму Нассау⁸, принцу Оранскому. Будучи только графом Голландии, Филипп захотел быть самовластным правителем оной: ниспроверг законы, постановил епископов, учредил инквизицию, – и жестокость сей последней, поощряемой Филиппом, сделала больше протестантов, нежели все учение Лютера и Кальвина. – Начался ропот; послали просить Филиппа об удалении кардинала Гранвеллы, первого министра – он отправил к ним герцога Альбу⁹ с войсками, дабы наказать мятежников. Последняя капля тирании преисполнила сосуд терпения голландцев, и возмущение разлилось повсюду. Нассау первый поднял знамя свободы и, с оцененною головою, бежав во Францию и Германию, набрав там преследуемых протестантов, вступил с войском в Голландию. Пожертвование имуществ доставило ему способы к продолжению войны. Революция началась с прекраснейших провинций твердой земли: Брабанта, Фландрии и Гейнау, но зависть графов сих земель к Оранскому дому заставила их отложиться от союза и сохранила десять лучших провинций власти Филиппа. Уменьшенные в силах своих в числе семи беднейших провинций¹⁰, но твердые духом голландцы, стоя, так сказать, одной ногою в воде, теснимые войсками Филиппа, должны были избирать или пламень костров, или море. Нечего было делать: надлежало искать убежища в последнем; надобно было победить природу, дабы противостать людям – и голландцы повели с берега в море огромные насыпи, отрезали себе часть одного и, осушив отделенные сими насыпями пространства, сделались обитателями дна морского. Здесь-то, согнанные с лица земли, голландцы показали свету, к чему способно человечество и до какой степени может вознестися дух людей свободных, – показали, как уголок земли, почти затопленный морем и едва существовавший рыбным промыслом, отразив Филиппа, победив его преемников, наконец, сделался их покровителем.

Вот происхождение сего подводного царства, которое после, будучи руководимо кроткими законами умеренности, строгости нравов и терпимости вер, стало на ряду сильнейших держав Европы.

⁸ Вильгельм I Молчаливый (1533–1584), принц Оранский, граф Нассауский, деятель Нидерландской буржуазной революции XVI века, основатель нидерландской независимости. В 1572 году был признан наместником Голландии и Зеландии.

⁹ Альба Альварес де Толедо Фернандо (1507–1582) – герцог, испанский военачальник и государственный деятель. В 1567 году был назначен Филиппом II наместником в восставшие Нидерланды. Установил в стране террористическую диктатуру. В период его правления было подвергнуто репрессиям свыше 18 тысяч человек. Политика Альбы привела к новому революционному взрыву, с которым он не смог справиться, и в 1573 году был отозван в Испанию.

¹⁰ В 1579.

Письмо 3. Роттердам

Идучи морем вдоль берегов Голландии, не видишь ничего, кроме непрерывного вала, из-за коего выставляются частые мельницы и шпили церковные. Вал сей простирается во всю длину северной части Голландии и держит на себе всю тягость моря. В тех местах, кои очень низки от поверхности оною, есть двойные валы на случай, ежели бы чрезмерная тягость воды прорвала первый оплот. Осушенное пространство перекопало каналами, в кои скопляется вода, проникающая плотины и при излишестве выбрасываемая опять в море бесчисленными мельницами. Содержание плотин, шлюзов, находящихся во многих местах, и мельниц, стоит ежегодно около 5 000 000 гульденов. Каналы служат также для внутреннего сообщения всей Голландии и наполнены судами, перевозящими товары, почтовыми ботами и проч.

Реки, долженствовавшие бы давно исчезнуть в море, если б не было Голландии, продолжены в своем течении искусственными берегами, которые, провождая реку часто верст на 15 и более, доставляют сладкую воду жителям сей земли. В низкие места речная вода спускается посредством шлюзов, и часто случается видеть два канала в близком между собою расстоянии, один с пресною, другой с соленою водою.

Высокие валы, удерживающие иногда 35 футов воды в вышину и на коих строятся дома, представляют странный вид: дом, стоящий на вале и обращенный к морю или к реке, имеет с сей стороны два или три этажа, с другой же, спускающейся до самой подошвы вала, часто бывает в пять или шесть этажей. И так беспрестанно почти случается видеть корабли плавающими по одну сторону дома против третьего или четвертого этажа, а по другую против нижнего.

Роттердам примыкает к плотине правого берега реки Мааса и называется по имени *Роты*, маленькой речки, впадающей в Маас выше города; невелик в окружности, однако населен 54 000 жителей и не имеет никаких укреплений. Город сей, второй по Амстердаме торговлею, считается самым красивым во всей Голландии. Улицы довольно широки, хорошо вымощены; каналы, выложенные камнем и обсаженные густыми деревьями, пересекают город во всех направлениях; одни идут из Мааса между искусственными берегами, другие простираются понизу, те и другие покрыты судами. Из судов в верхних каналах выгружают в нижние; из нижних передают вверх; колониальные товары заменяются туземными; промышленность кипит на воде и на суше.

Строение города все каменное и красивое; дома небольшие, но высокие; полированный и немазанный кирпич, смешение старой архитектуры с новою, местами дикий камень, коим выкладывают углы и окна домов, красивые лестницы составляют какое-то приятное разнообразие. Не совсем прямые улицы, часто пересекаемые площадями, беспрестанно новые виды на каналы для меня гораздо приятнее, нежели улицы в правильно построенных городах, утомляющие взор своею прямочертною длиною. Особенный вид придают городу деревья.

Деревья сии отнимают, однако же, солнце у жителей, живущих в вечном сумраке, усугубляемом вечно опущенными опущенными до половины шторами.

Но эти же деревья очищают воздух, зараженный от нездоровых испарений низменной земли, от стоячих каналов, торфяного дыму и множества жителей.

Прекрасное место! Вы видите вдруг город, висячие сады и море со всеми чудесами и со всеми сокровищами.

Письмо 4. Роттердам

Пора осмотреть город. – Пойдемте от Брильских ворот, в которые мы вступили. Видите ли на площади подвижной рынок, на котором торгуют женщины живностью, рыбою, зеленью? Посмотрите, как забавно дерутся эти две бабы за несколько копеек, переданных покупщиком; обе рыбные торговки, у каждой в руках по живому угрю, которыми они друг друга бичуют. Угорь скользок; однако же, они умеют этому помочь, схватив его рукою, натертою песком. Угри и лица окровавлены – пойдемте далее. Повернув направо, вы приходите к каналу, через который надобно переехать в пароме и заплатить за то дойту. Есть ли у вас сия монета? – Вы еще не знаете голландских денег? Их только пять разборов; червонец, талер, гульден, штивер и дойта. В червонце два талера; в талере два с половиною гульдена; в гульдене двадцать штиверов; в штивере шестнадцать дойт: следственно сия дойта составит почти три полушки наших.

Эта набережная называется испанскою. Видите ли здесь под крышею складываемый провиант с наших транспортов? – Здесь самая лучшая часть города. Маас величественно катит волны свои в море; корабли окружают берег лесом мачт своих и спорят тенью с густыми тополями, по краю широкой набережной стоящими; брильянтовые окна в красивых домах, с выставленными зеркалами¹¹, повторяют в тысяче видов жизнь и деятельность сей набережной, волнуемой бездною народа.

Вот трактир с прекрасными банями. Вот жидовская синагога; вот шесть пушек, стоящих здесь на углу, но не для убийств – для возвещения городу достопамятных дней.

На сию набережную вступили французы в 1794 году, декабря 19 н. е., перешед чрез Маас, покрывшийся льдом; с сего места распространили они владычество свое, продолжавшееся почти 20 лет. Голландцы с ужасом воспоминают оное и благославляют российское оружие, избавившее всю Европу от деспотизма Наполеонова.

Переправимтесь опять чрез канал – и вы увидите Гойдские ворота, откуда направляются дилижансы в Париж, чрез Гойду и Утрехт. В 36 часов спокойной езды вы можете быть в Париже. – Выглянем за ворота и посмотрим на сей ряд фабрик, окружающих город за каналом. Вот сахарная фабрика моего приятеля Бейера-Топа; вот белильная; там игольная и булавочная. Посмотрите вдоль дороги: там, на правой стороже, стеклянные заводы, налево коженя и фабрика крепкой водки: тяжелый запах чувствителен даже здесь – пойдемте назад.

Здесь на набережной стоит Grot Schippers Huis¹² – трактир, в коем я жил сначала, и коего трактирщик с самою безобразною фигурою, какую только может создать природа, имеет самый острый ум. Его присловица, столь приличная трактирщику: *c'est claire comme du chocolat à l'eau*¹³ заставляла меня много смеяться сначала. – Поклонитесь в этом доме сим двум девицам, дочерям здешнего нотариуса, первым в городе красавицам, – а потом поворотим направо в адмиралтейство. В оном вы видите три заложенных к постройке фрегата, несколько старых галер, канонирских лодок и шлюбок – кораблей нет; камели стоят в Маасе. Посмотрите, как нашли голландцы тайну сохранять долговременно свои здания и доки; видите ли, что они подновляют пазы между кирпичами, вымазанные алебастром. Как скоро паз начнет крошиться, тотчас вычищают старую мазку и кладут новую.

Теперь мы пройдем жидовскою слободою, которая не запирается здесь по вечерам так, как в других старинных голландских и немецких городах; улица чиста не по-жидовски и одна из лучших в городе; направо Дельфтшиге ворота – и ежели вы хотите спокойно и дешево доехать до Амстердама, то садитесь в любой из сих пакетботов, отправляющихся каждые три часа с

¹¹ В чужих краях за окна выставляют зеркала, дабы в комнатах видеть происходящее на улице.

¹² Дословно «Большой дом моряков» (гол. – *Сост.*).

¹³ Это ясно как шоколад (фр. – *Сост.*).

почтою и путешественниками. На оных есть места разной цены: ежели хотите быть в добром сообществе, то несколько лишних копеек доставляют вам оное, и вы в 18 часов в Амстердаме. Здесь вы видите огромное здание ученого общества, подле дом призрения. Прoberем-тесь теперь мимо газетного клуба на площадь пред биржею.

Какое движение кругом, в каналах и на улицах! – Подъемные мосты беспрестанно пропускают корабли; деревянный башмак, привязанный к веревке на палке, беспрестанно наполняется в руках мостовщика дойтами, платимыми за пропуск. – Подъемные лошади тянутся одна за другой беспрерывно и стучат по мостовой огромными подковами. Деятельная промышленность изобретает все средства заменять недостаток силы искусством: вы видите одного человека, удобно вскатывающего тяжелую бочку на дровни посредством двух отлогих клиньев, к оным приставляемых. Высокая лошадь для увеличения силы подковывается высокими треножниками и тащит дровни по камням. Вы удивляетесь и думаете, что это тяжело; но загляните вперед дровней и увидите в заголовке оных бочонок с водою, провернутый противу ползьев двумя дырочками, из коих беспрестанно изливается вода на мостовую, и от сего дровни весьма легко едут по скользкой струе. – Телега с овощами, носилки с зеленью, – колясочки, запряженные козами и собаками, мелькают пред глазами, не перемежаясь. Биржевые крикуны с колоколом в руках, с печатными листами на груди и за спиною, возвещают таксу новым товарам; толпы народа следуют за ними и увлекают нас до биржи. – Туда привезли партию нового чаю: купцы собираются оценить оный, – посмотрим, как будут пробовать?

Вдруг расстанавливается множество маленьких фаянсовых чайничков, подобных детским игрушкам; развешиваются на аптекарских весах золотники чаю и кладутся в сии игрушки; мера горячей воды наливается; часы у всех вынуты, – считают секунды, и, по истечении срочного времени, все купцы, непременно с тощими желудками и свежим вкусом, пробуют на языке китайскую жидкость, – бракуют – откладывают – и назначают цену.

Вы подумаете, может быть, что чай, который они пробуют – ханский, цветочный, разных сортов? – Нет: вся эта мелочная внимательность для одного только простого чаю. Русский купец возьмет на ладонь, разжует несколько листков – и определит вам цену и доброту чаю, по голландец, который морем получает только самый обыкновенный чай, непременно должен так поступать, дабы в самомалейшей разнице доброты определить ему цену.

Здесь на бирже голландец – в государственном совете: ничего нельзя сделать слегка, оказать, не обдумав, приняться за товар без общего мнения, – проба чаю служит вам образчиком дел на бирже.

Посмотрите, каким прекрасным портиком мраморных колонн окружен сей пространный двор. Широкий помост и обширные переходы стонут от множества людей; эхо сводов сливается в один невнятный шум голоса аукционистов, оценщиков и крикунов. – Не занимает ли вас сия картина оживающей торговли голландской?

Но год тому назад биржа сия не наполнялась таким множеством народа; одни только подозрительные служители Наполеоновой таможни расхаживали по портикам и косо смотрели на купечество, лишенное почти всех своих выгод. Не гордые республиканцы – но данники Бонапарте с трепетом внимали такое товаров и воспоминали с горестию протекшее время величия республики.

Но благотворное действие мира и возвращенной свободы не замедлило в продолжение одного года оказать своего влияния. – Уже деятельность пробудилась, – уже каналы полны кораблей, и доверенность прочих народов к характеру голландцев довершит остальное.

Теперь протеснимся до этой великолепной лестницы и пройдем на верх сего прекрасного здания – там кунсткамера. В ней нет уже ничего любопытного; мумии, редкие окаменелости, восковые кабинеты, коими славилась Голландия, украшают теперь Парижские музеумы. Все сии электрические машины, банки с уродами, камер-обскуры не заслуживают большого вни-

мания. – Посмотрите только на сии семьдесят разборов писчей бумаги из всех веществ, на коей некогда писали и пишут теперь – и выйдем из сего жилища уродов подышать свежим воздухом.

Налево площадь Эразмова, так называемая по бронзовой статуе известного ученого Эразма. Подойдем к оной ближе: несчастный Эразм, отягощенный толстою книгою, закутанный в священническую тех времен одежду, к бесславию художника похож более на соляной столб, нежели на монумент славе Эразмовой. – Рассказать ли вам что-нибудь об Эразме?

Он родился здесь в Роттердаме в 1467 году, девяти лет он уже удивлял всех соотечественников своих; 14 лет писал самым лучшим языком латинским; 17 был принят в духовное звание – и столько прославился своею ученостию и острою по всей Европе, что, вызванный в Англию, в короткое время заслужил знатный пожизненный пансион. После сего он путешествовал по всей Европе и, возвратясь опять в Англию, был принят с великою честью от короля Генриха VIII. Пришед однажды к знаменитому канцлеру Томасу Морусу¹⁴ и не давая о себе знать, столько обворожил Томаса своею любезностию и умом, что сей, поговорив с ним часа полтора, вскричал в восторге: *«ты или Эразм, или сам дьявол!»* Из его творений известнейшие суть: Похвала дурачеству и Сатирические сочинения. Он умер в 1536 году.

Хотите ли войти в сию кирку? – Еще обедня не кончилась. Посмотрите на добрых протестантов, сидящих в шляпах: они снимают оные тогда, как пастор читает Отче наш и благословляет их. – Высокие и узкие окна, мелкие стекла, инде граненые, инде расцвеченные разными красками, разливают какой-то благоговейный свет по сей мрачной церкви. Нехотя берешься за шляпу при входе, но голландцы привыкли к сим впечатлениям и, следуя своему обряду, не скидают шляп своих. – В прошедшую субботу был я в жидовской синагоге: там мне не позволили снять шляпы, и после попросили выйти вон, когда надобно было им читать священные скрижали Моисеевы.

Здесь есть церкви всех вер; Голландия покровительствует терпимости, но господствующие исповедания суть католическое и протестантское.

Вы устали? – Вот славный трактир Тюреня – войдемте отдохнуть – мы обошли весь город.

¹⁴ Мор Томас (латинизированное: *Morus*) (1478–1535) – английский государственный деятель и выдающийся мыслитель-гуманист, один из основоположников утопического социализма.

Письмо 5. Роттердам

Здесь, как и везде в чужих краях, ежели войска стоят в городе, каждому офицеру и солдату чрез три дня переменяют билет на квартиру, чтобы не обременять жителей.

Желая видеть домашнюю жизнь голландцев, я решился терпеть лучше беспокойство, нежели жить в трактире. Однако, вместо трех дней, у первого моего хозяина я прожил три недели, у второго месяц, а у третьего полтора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.